

МЕСТО И ЗНАЧЕНИЕ Н.Н. СТРАХОВА В ИСТОРИИ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

Е. А. Антонов

В духовной культуре России второй половины XIX в. весьма своеобразное место, трудно определяемое с точки зрения обычных стандартов, занимает Н.Н. Страхов (1828-1896). Будучи центрирующей фигурой этого сложного переходного времени, он отразил в своем творчестве наиболее значительные культурные явления эпохи, вступая в диалог с актуальнейшими течениями русской и европейской мысли. Это стало возможным благодаря как многосторонним личным контактам мыслителя, так и его многолетним напряженным научным занятиям и размышлениям.

Н.Н. Страхов был знаком и дружил со многими выдающимися людьми своего времени. Ф.М. Достоевский, Ап.А. Григорьев, Н.Я.-Данилевский, Л.Н. Толстой, Вл.С. Соловьев, В.В. Розанов - вот далеко не полный перечень этих славных имен. Не будучи гением, он был учителем жизни в высшем значении этого слова и не терялся среди великих, которые сами искали с ним дружбы, поддерживали с ним близкие отношения на протяжении ряда десятилетий. Не являясь сам звездой первой величины, он всемерно способствовал творчеству таких своих современников как Ф.М. Достоевский и Л.Н. Толстой. Как отмечал В.В. Розанов, Н.Н. Страхов «оттачивал, шлифовал чужую мысль», находясь постоянно в тени великих.

Именно широта теоретического кругозора, охватывающего многие области человеческого знания, глубина проникновения в суть новых явлений и их аутентичное понимание, высокая нравственность и простота в общении давали Н.Н. Страхову право на расположение и дружбу великих современников.

Вместе с тем Н.Н. Страхов ценен и сам по себе как замечательный истинно русский человек, патриот, как крупный мыслитель, философ, литературный критик, талантливый переводчик и издатель оригинальных произведений своих друзей, сыгравший большую роль в русском просвещении.

Философская и научная общественность 90-х годов XIX в.

довольно высоко оценила личные достоинства Н.Н.Страхова и его литературную деятельность. При избрании его одновременно с А.Н.Толстым в 1894 г. почетным членом популярного в то время московского психологического общества ему была дана такая характеристика: «Человек разносторонне и широко образованный, мыслитель тонкий и глубокий. Замечательный психолог и эстетик, Страхов представляет и как личность выдающиеся черты - стойкостью своих убеждений, тем, что он никогда не боялся идти против господствующих в науке и литературе течений, восставать против увлечений минуты и выступать на защиту в тах крупных философских и литературных явлений, которые в данную минуту подвергались гонению и осмеянию» [1, с. 3]. К сожалению, такого рода оценки личности и творчества Н.Н.Страхова не получили закрепления и широкого распространения в последующие десятилетия. В условиях господства просвещенства и революционаризма, против которых он неустанно выступал, его имя было предано забвению, а высказанные им идеи рассматривались как устаревшие и реакционные. Все это заставляет нас более пристально взглянуть в творчество Н.Н.Страхова и выявить действительное место и значение его в истории русской философии и культуры в целом.

В историю русской культуры Н.Н.Страхов вошел прежде всего как литературный критик и философ. Если в литературоведении он был мостом «от «почвенников» к символистам» [2, с.287], то в философии - «промежуточным звеном между позднейшими славянофилами и русским религиозно-философским ренессансом» [3, с.122] конца XIX - начала XX вв. Этим «промежуточным» положением между двумя эпохами русской культуры и объясняется отмеченная некоторыми исследователями «двойственность» его творчества, какая-то недоговоренность и незавершенность.

Творческое наследие Н.Н.Страхова весьма значительно. Однако обладая колоссальной эрудицией и огромной работоспособностью, он не создал целостной и завершенной системы в классическом ее понимании ни в естествознании, ни в литературоведении, ни в философии. Это было связано как с внутренними для творчества Н.Н.Страхова причинами, так и с внешней социокультурной обстановкой в России.

Прежде всего следует отметить, что социокультурная ситуация в России второй половины XIX в. не способствовала развитию философии. Это была переходная эпоха, которая требовала не «системотворчества» в области философии, а в первую очередь освоения западноевропейских идей и осмысления специфики развития русской национальной культуры. Здесь требовалась значительная философская рефлексия и выработка русского философского языка.

Собственное философское творчество в России сдерживалось двумя главными причинами: внутренними и внешними. Внут-

ренные причины - это отношение официальных властей к философии. Как известно, изгнание философии из русских университетов продолжалось с 1850 до 1863 г. В середине XIX в. был разгар реакции. Николай I говорил своим офицерам: «Займись службой, а не философией; я философов терпеть не могу, я всех философов в чахотку вгоню». Ему вторил министр народного образования князь Ширинский-Шихматов, утверждавший, что «польза от философии не доказана, а вред от нее возможен». Хотя и не в такой мере, но гонения на философию имели место и в последующие десятилетия.

Характеризуя отношение к философии в 70-е годы XIX в., К.Д.Кавелин писал: «Теперь философия совершенно забыта. О ней никто не думает; поминают ее вскользь, разве для того только, чтоб потешиться над забавными простаками, которые могли заниматься таких вздором. Говорить серьезно о философии теперь почти так же смешно, как носить напудренный парик» [4, с. 279]. И такого рода свидетельства не являются единичными.

В этих сложных условиях Н.Н.Страхов вместе в П.Д.Юркевичем, А.А.Козловым и некоторыми другими мыслителями выступал в защиту прав философии как самостоятельной области знания. Однако их произведения начали читать и ценить только к концу 80-х годов XIX в., когда происходит изменения в духовной жизни российского общества и осуществляется своеобразная реабилитация философии.

К внешним причинам можно отнести мощное воздействие Запада на русских мыслителей, которое стесняло развитие отечественной философии. Абсолютизация западных идей приобрела на русской почве чрезмерные масштабы. Поэтому выступления славянофилов и их последователей было вполне правомерным, поскольку они способствовали выработке русского национального самосознания. «Славянофильство, - писал Н.Н.Страхов, - есть просвещенный, идеализированный патриотизм, и, нужно полагать, он уже никогда не заглохнет у нас ни в грубом и слепом патриотизме, ни в безжизненном космополитизме» [5, с. 288]. Свой вклад в развитие национального самосознания внес и Н.Н.Страхов.

Занимаясь почти на протяжении всей своей жизни переводом на русский язык западноевропейской философской и научной литературы, он в то же время прилагал значительные усилия для того, чтобы не допустить абсолютизации европейских идей. Н.Н.Страхов считал, что «все наше рабство перед Западом, все наши обезьяничья» будут преодолены, если «мы достигнем, наконец, сознательной самобытности, если пробудится в нас настоящая умственная жизнь» [6, с. XI]. Такого рода пробуждение в литературе произошло после А.С.Пушкина, когда русская словесность заговорила на своем собственном языке, а в философии - лишь в начале XX столетия.

К сказанному следует добавить, что сама логика умственно-го развития в России обеспечила в это время торжество анализа

над синтезом. XIX в. в России был веком преимущественно анализа и критики во всех областях творчества. При этом критика имела в виду не только отрицание, разрушение, но и созидание нового. Будучи органической частью этого направления в культуре подход Н.Н.Страхова к различным философским и литературным произведениям являлся зачастую критикой критики, а его анализ имел созидательный характер. Критикуя одни и отстаивая другие взгляды, он способствовал их осмыслению и включению в контекст функционирования русской культуры.

Наряду с отмеченными моментами следует также обратить внимание на особенности самой натуры Н.Н.Страхова, склонного больше к анализу, чем к синтезу, преобладания в нем критического дарования над синтетическим творчеством. Как отмечал близко его знавший Э.А.Радлов, «благодаря обширному и всестороннему образованию, а также выдающемуся критическому таланту, Н.Н.Страхов занимал в навей литературе совершенно своеобразное положение и в деле, например, литературной критики не имеет преемника. Необходимо природное дарование, воспитанное в строгой аналитической школе, чтобы вышел критик, равный по силе Н.Н.Страхову» [7, с. 399]. Причисляя Н.Н.Страхова к «философам аналитикам», Э.А.Радлов утверждал, что «значение Н.Н.Страхова, как философа, заключается в его критике, в том, что он отвергал, а не в том, что он строил» [7, с. 344]. Думается, что это односторонний подход к философии своеобразного мыслителя, связанный как с недостаточным освоением его «творческой лаборатории», так и с незнанием новых тенденций развития отечественной философии.

По сути дела Н.Н.Страхов стоял у истоков русской идеи философии как «анализа» или философии анализа в противоположность системосозидающим философиям. С одной стороны, страховская философия анализа выступала предпосылкой для формирования системосозидающей философии, подобно тому как анализ предшествует синтезу. С другой же стороны - это было начало становления самостоятельной ветви в философии, т.е. философии анализа, отличной от возникшей значительно позже аналитической философии в рамках неопозитивизма. Ее особенностью было то, что она не отказывалась полностью от прежней метафизики, рассматривала даже ее гегелевскую форму как определенную историческую ступень в развитии философии. Более того, именно из гегелевской философии Н.Н.Страхов брал и активно использовал диалектический метод. Страховский анализ понятий, прояснение их содержания, осуществляемое с диалектических позиций, было близко к современному диалектико-логическому и логико-методологическому анализу научного знания.

Н.Н.Страхов никоим образом не вписывается в классический западноевропейский образ философа, хотя был мыслителем в под-

линном и высшем смысле этого слова. Не ставя перед собой задачи построения собственной философской системы, он стремился понять исследуемый феномен, чтобы максимально точно и адекватно оценить его и вписать в существующую культуру. Он обладал не только большими аналитическими способностями, но и истинным, тонко развитым художественным вкусом, проявившимся в его суждениях о литературных, поэтических и музыкальных явлениях. Его современник Н.Я.Грот писал, что Н.Н. Страхов «не был сам художником-творцом, но зато - кто лучше Страхова понимал красоту художественных произведений, красоту поэзии и творчества?» [1, с. 5]. Он проявил поразительную способность понимания не только русской словесности и естествознания, но и философии.

Будучи разносторонним мыслителем, Н.Н.Страхов все же главным делом своей жизни считал философию, которая «есть трезвый, здоровый взгляд на мир» [8, с. 2 - 3]. В философия он ценил диалог, преемственность, творческое взаимообогащение, движение к взаимопониманию. Для мыслителя характерно отсутствие доктринального тона при анализе рассматриваемых произведений. При этом он отстаивал право на многообразие взглядов, на уважение к своей и чужой мысли. Н.Н.Страхов считал, что «бесполезно и даже вредно фальшивое, неестественное подавление каких-нибудь учений и умственных направлений» [8, с.147], что им нужно давать возможность свободно развиваться до полного раскрытия.

Вопрос об определении места Н.Н.Страхова в истории русской общественной мысли весьма актуален и в наши дни. Можно согласиться с А.Н.Арининым и В.Н.Михеевым, что «нельзя категорически относить Страхова к какой-либо школе (например, славянофилов) или направлению общественно-философской мысли (почвенничество), хотя «родственного» с ними у философа достаточно. Однако, на наш взгляд, проблематика Страхова гораздо шире, глубже и разнообразнее [9, с.78]. Действительно, сегодня становится все более очевидным, что творчество рассматриваемого мыслителя не укладывается в отводимые ему рамки, хотя его и нельзя полностью отделить от этих течений. И все же этот вопрос стоял раньше и продолжает оставаться сегодня на повестке дня, поскольку от его решения зависит соответствующая оценка философии Н.Н.Страхова.

Незавершенность построений философа всегда мешала должной оценке его творчества, создавала постоянные недоразумения вокруг него. Представители различных философских направлений неоднократно обращались к Н.Н.Страхову о требованием «выкинуть свое знамя». Однако он сознательно, исходя из своих принципов, не хотел выкидывать никакое знамя, настойчиво снимая со своих философских построений всякие ярлыки со всевозможными «измами». Он отвечал им: «Скажу откровенно: я вовсе не умею выкидывать знамена, вовсе не способен к этому. Да, кроме того, я

считаю это выкидывание часто бесполезным, а большею частью превредным делом. Обыкновенно и тот, кто поднял знамя и те, кто обратили взор на это знамя, пускаются в неистовое словоизлияние. Обыкновенно прекращается всякая работа мысли, всякий труд доказательства и уяснения предмета, а наступает лишь бесконечное повторение одного и того же, верченье на одном и том же месте» [10, с.279].

Соглашаясь с живописным названием своей философии как «перегородочной философии», Н.Н.Страхов писал: «Постараемся мыслить строго, отчетливо, то есть будем строго различать и определять принципы, которых держимся, и методы, которым следуем. Другого спасения от путаницы быть не может» [10, с. 57-58]. И, действительно, его так называемая перегородочная философия проводит разграничительные линии между соприкасающимися областями бытия и знания. Если формально философия Н.Н.Страхова выступает как перегородочная, то по существу это философия, открытая в будущее.

Пройдя школу классической немецкой философии, Н.Н.Страхов вынес из нее способность к четкому диалектическому рассмотрению явлений и историзм мышления. Будучи гегельянцем в области методологии, он в то же время выдвигал положения, отличные от гегелевских. Так, согласно Гегелю, материализм как философия невозможен, поскольку философия есть наука о мышлении. Однако Н.Н.Страхов признавал материализм, хотя и в качестве низшей формы философствования. «Материализм, - писал он, - есть самих легкая метафизика, а эмпиризм - самая легкая теория познания: вот в чем сила этих учений» [11, С.VIII]. И далее: «Задача философии относительно эмпиризма и материализма заключается не в том, чтобы отвергать их, как будто они сплошь состоят из одних заблуждений, а в том, чтобы указать надлежащее место в системе понятий и точно определить их границы» [11, с. IX-X]. При этом термин «материализм» употреблялся им в традиционном ограниченном смысле как обозначение узкого, механистического воззрения на природу.

Н.Н.Страхов, признавая себя гегельянцем в течение всей своей жизни, писал в 1893 г. Н.Я.Гроту: «Я гегельянец, и чем дольше живу, тем тверже держусь диалектического метода» [1, с. 12]. При этом он стремился мыслить не просто по Гегелю, а сообразуясь только с общими правилами диалектического метода, т.е. метода строгой критики понятий. Ранее в работе «Мир как целое», устанавливая свой метод философствования, Н.Н.Страхов писал: «Я желаю стоять за одно в моей книге: за философский метод ставить и развивать понятия. В этом методе вся тайна умозрения. Чем кто способнее им владеет, тем больше он заслуживает имени человека философствующего» [12, с. XIX]. При этом в диалектическом методе он брал преимущественно его аналитическую сторону.

Таким образом, главное в философии Н.Н.Страхова - это уче-

ние о методе, философском диалектическом методе. В связи с этим А.И.Введенский заметил: «Значит, и у Страхова, как у Сократа, все дело в *методах* и *задачах* философии, а не в *системе*? Значит и он не создал системы? Увы! Но это лишь отчасти зависело от него самого» [13, с. 23]. В значительной степени это зависело также от особенностей русской философии и уровня ее развития.

Оценивая значение Н.Н.Страхова как философа в конце XIX в., А.И.Введенский писал, что «значение Страхова состоит в том, что, прислушиваясь к философским потребностям своего времени с такой же чуткостью, какую он обнаруживал относительно русской литературы, он писал просто, но увлекательно изложенные, а потому всем и каждому доступные книги, сильнейшим образом возбуждающие мысль читателя, принуждающие его мыслить философски и трактующие о таких крупных вопросах, с размышления о которых почти все начинают свое философское развитие». И далее: «Скажу еще иначе: значение деятельности покойного Н.Н.Страхова для нарождающейся русской философии состоит в том, что он написал несколько книг, при помощи которых в России еще долгое время будут охотно начинать учиться мыслить и которые столь же долгое время будут считаться образцами философского изложения...» [14, с. 8]. Такая оценка философского творчества Н.Н.Страхова его современниками весьма показательна.

В XX в. философское наследие Н.Н.Страхова оценивалось преимущественно негативно. И лишь некоторые представители русского зарубежья (С.А.Левицкий, Д.И.Чижевский) давали ему высокую оценку и стремились раскрыть его подлинное значение. В частности, С.А.Левицкий относил Н.Н.Страхова к числу деятелей XIX в., «которые подготовили и расчистили почву для расцвета русской религиозно-философской мысли в начале двадцатого века» [15, с. 184]. Действительно, Н.Н.Страхов поставил ряд проблем и наметил некоторые пути их решения, получившие дальнейшее развитие в русской философии. Это касается прежде всего становления линии метафизического персонализма, традиции компетентной критики рационализма и механистической картины мира, концепции просвещенного патриотизма и русского национального самосознания.

Освоение философского наследия Н.Н.Страхова с позиций нового миропонимания только начинается и здесь требуются значительные организационные и интеллектуальные усилия.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Грот Н. Памяти Н.Н.Страхова, К характеристике его философского мирозерцания. - М., 1896.

2. Кулешов В.И. История русской критики XVII - начала XX веков. - М., 1991.

3. Левицкий С.А. Очерки по истории

русской философии. - М., 1996.

4. Кавелин К.Д. Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. - М., 1989.

5. Страхов Н.Н. Рец.: В.В.Розанов, «Легенда о Великом Инквизиторе»